

Коллектив авторов

**Допросы Емельяну
Пугачеву**

**И письмо о нем государыни
императрицы Екатерины II к
графу П.И. Панину**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К60

К60 **Коллектив авторов**
Допросы Емельяну Пугачеву: И письмо о нем государыни императрицы
Екатерины II к графу П.И. Панину / Коллектив авторов – М.: Книга по Требо-
ванию, 2013. – 61 с.

ISBN 978-5-458-16699-7

ISBN 978-5-458-16699-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

соединялся съ военными командами, — командиръ въ то время былъ Его Сіятельство, Г. Генераль-Аншефъ, Графъ Петръ Ивановичъ Паиниъ, — пошли подъ Бендеры, а какъ оный взяли, то выступили на зимпїа квартиры въ городъ Елисапетъ. Изъ Села Каменки отпушенъ я былъ, за болѣзнію, въ домъ свой, и при мнѣ въ отпускъ сто человекъ казаковъ, на мѣсяць; а по прошествїи срока, вѣрно было лвиться опять къ командѣ, гдѣ обрѣтаться будетъ армія. Что жъ? Когда я, будучи въ арміи, назывался Государя Петра Перваго крестнымъ сыномъ, о томъ никогда и въ разумъ не приходило, назваться мнѣ самымъ Государемъ. Прїѣхавъ въ свой домъ, хотя болѣзнь моя не умалилась, однако жъ, какъ вышелъ срокъ моему отпуску, то собралъ свою команду и прямымъ трактомъ пошелъ на рѣку Донецъ; перешедъ оный, увидѣлъ я, что, по причинѣ своей болѣзни, ѣхать ни какъ не могъ; но, чтобъ служба за мной не состояла, нанялъ за себя казака Михайла Бирюкова, который къ арміи за меня съ тѣми ста человеками казаковъ и поѣхалъ. А я, будучи весьма болѣзнь, и прїѣхалъ въ домъ свой, и лежалъ съ мѣсяць. Когда же увидѣли тутъ станичные командиры, что къ выздоровленію безнадѣжны, ибо на ногахъ и на рукахъ были величайшія раны, то сказали мнѣ, чтобъ взять я станичный аттестатъ и билетъ для свободнаго проѣзда, и ѣхалъ въ городъ Черкасскъ, и я поѣхалъ. А по прїѣздѣ явился къ войсковому Атаману, Степану Данилову сыну Ефремову. Оный сказалъ мнѣ, чтобъ шелъ я, для взлѣченія ранъ, въ лазаретъ, «а какъ же не взлѣчишься, то тогда отставка, де, тебѣ дастся, ибо я, де, вижу, что ты, можешь быть, со временемъ, и вылѣчишься;» однако жъ я не пошелъ въ лазаретъ, боясь того, чтобъ больше болѣзни моя не умножилась, а разсудилъ пользоваться на своемъ коштѣ, о чемъ Ефремову доносилъ, сказывая при томъ, что между тѣмъ поѣду въ Таганрогъ, къ сестрѣ своей, для свиданія. На то Ефремовъ говорилъ: «Очень хорошо, пожалуй, де, поѣзжай; вѣдь ты и билетъ имѣешь для проѣзда, куда хочешь;» почему я и прїѣхалъ въ Таганрогъ. Зять своего дома не улучилъ, а сестра внезапно моему прїѣзду весьма обрадовалась, а чрезъ нѣсколько дней и зять мой въ домъ прїѣхалъ. Между многихъ разговоровъ зять сказывалъ: «Насъ, де, хотятъ обучать по гусарски и всякимъ регулярнымъ военнымъ подвигамъ». А на то я отвѣчалъ: «Какъ, де, это, кажется, не годится, чтобъ перемѣнять уставъ казачьей службы, и надобно, де, о семъ просить, чтобы оставить казаковъ на такомъ основанїи, какъ дѣды и отцы войска Донскаго служили». На то зять мой, Симонъ Павловъ, говорилъ: «У насъ, де, много уже и перемѣнили; старшинъ, де, у насъ уже нѣтъ, а названы, вмѣсто оныхъ, ротмистры; а когда, де, насъ пачнутъ обучать не по обыкновенію казацкому, то мы, сколько насъ ни есть, намъ вренны бѣжать туда, куда наши глаза глядѣтъ будутъ». На сіе я ничего не сказалъ. Жилъ тутъ три недѣли; когда сталъ собираться домой, то сестра моя стала проситься для свиданія съ матерью, которую я, съ позволенія зятя своего, съ собою и взялъ. Прїѣхавъ на рѣку

Тузловъ, разстояніемъ отъ города Черкаска верстъ сорокъ, сталъ кормить лошадей, въ которое время и зять мой нагналъ въ числѣ трехъ казаковъ, и сказывалъ, что они бѣжали для того, что не хотѣтъ служить по повѣямъ обрѣдамъ службы. На то я говорилъ: «Что вы это взумали? Буду и со мною дѣлаете; не равно будетъ погоня, такъ въ поимкѣ и меня свяжутъ, въ тѣхъ мысляхъ, яко бы васъ подговорилъ; а я въ томъ безвинно отвѣчать принужденъ буду.» На то они говорили. «Что, де, ты ни говори, мы назадъ не поѣдемъ, а поѣдемъ туда, куда Богъ наразумить». А на то я сказалъ: «Когда вы уже сіе предприняли, такъ бѣгите на рѣку Терекъ; тамъ, де, много живетъ людей, рѣкъ и лѣсовъ довольно, и такъ прожить будетъ способно; а тамошніе, де, жители страннопримчивы, и васъ для житія примутъ». Почему они вѣхъ туда и согласились. А какъ лошадей выкормили, то и поѣхали вмѣстѣ. Не доѣхавъ Зимовейской станицы, зять мой, простиъ со мною и съ женою, а моею сестрою, въ числѣ трехъ человекъ поѣхали въ сторону, а я прѣхалъ въ домъ свой. Сестра, побывъ у меня въ домъ, пошла къ свекру своему, Зимовойской же Станицы казаку, Никитѣ Павлову. А на другой день показанный зять мой, Павловъ, оставя бѣжавшихъ съ нимъ казаковъ въ лѣсу, самъ къ отцу своему въ домъ прѣхалъ. А какъ отецъ его спрашивалъ, за чѣмъ прѣхалъ изъ Таганрога, то онъ отвѣчалъ: «За женою бригадиръ, де, въ Таганрогъ—бывшій, узнавъ, что жена моя безъ спросу уѣхала, хотя и съ братомъ, на мнѣ, де, възыскиваетъ строго, говоря при томъ: «Сюда, де, жонъ на житіе силою привозять, а ты отпускаяешь». Такъ отъ отца отговорился, не сказывая отнюдь ему всего къ побѣгу намѣренія. Жилъ зять мой у отца своего только одни сутки, и сказалъ ему, что ѣдетъ обратно въ Таганрогъ, и Павловъ у меня изъ Зимовейской станицы выѣхалъ. А въ полночь прѣхалъ къ моему дзору, и спрашивалъ: «Покажи, де, намъ дорогу на Терекъ». На то я отвѣтствовалъ: «Ты, де, за солюю на Манычъ хаживалъ, такъ поди сею дорогою, а она и доведетъ тебя до Терека». Потомъ просилъ меня, чтобъ и перевезъ черезъ Донъ, и хотя я отъ сего отговаривался, однако жъ, по сильной просьбѣ ихъ, перевезъ и съ сестрою своею. А какъ по перевозѣ горюилъ я зятю, что если васъ поймають, такъ будутъ възыскивать на мнѣ, для того что сестра у меня въ домъ была, и послѣ съ тобою бѣжала, то зять говорилъ: «Сіе будетъ несправосудно; вѣдь въ Станицѣ знать будутъ, что я взялъ уже сестру твою на свои руки, такъ въ чемъ тебѣ отвѣтствовать должно?». Потомъ, простясь я съ своимъ зятемъ и сестрою, назадъ въ домъ свой возвратился, а они на Терекъ въ путь свой отправились.

По разставаніи зять мой ѣздилъ по степи ведя три и, не нашедъ того тракта, куда на Терекъ вѣхалъ, возвратился въ Станицу Зимовейскую, гдѣ, по распросѣ Атаманомъ, принуждены они были признаться, что бѣжали. А какъ спрошены были, кто черезъ Донъ перевозилъ, какъ туда

повѣдѣть, то и принуждены они были сказать на меня. А какъ услышалъ, что зять мой меня оговорилъ, и будетъ мнѣ бѣда, то я, не сказавъ жень своей и матери, которая еще жива была, бѣжалъ, и жилъ недѣли двѣ въ степи, около рѣчекъ, а потомъ въ домъ свой пріѣхалъ. Когда жъ узнали обо мнѣ въ Станицѣ, то взяли подъ караулъ и отослали въ Чирскую Станицу, въ Розыскную Команду. А въ Розыскной во всемъ и признался, и посланъ былъ въ городъ Черкасскъ въ колодезъ по Станицамъ, чтобъ за безопаснымъ конвоемъ туда былъ доставленъ. А какъ привезенъ былъ въ Цымлянскую Станицу, гдѣ казакъ Лукьянъ Худаковъ упросилъ прочихъ, чтобъ меня отдали ему на поруки для доставленія въ Черкасскъ. Когда жъ тутошскій Атаманъ тому казаку, по просьбѣ его, отдалъ, то Худаковъ снялъ съ меня олодку и послалъ въ Черкасскъ со своимъ сыномъ малолѣтнимъ, оному отъ роду было тогда около 20 лѣтъ, который малолѣтокъ и повезъ было, но отецъ сказалъ сыну своему на ухо, чтобъ съ дороги меня отпустилъ для того, что я съ Худаковымъ водилъ хлѣбъ и соль, такъ и учинилъ сіе по пріязни.

И такъ сынъ Худакова, вывезши меня въ степь, далъ свободу, и пошелъ я, не бывъ въ своемъ домѣ, въ Малороссію, Изюмскаго полка въ слободу, называемую Кабаныю, къ мужику Осипу, прозывающемуся Коровка, коему сказалъ, что я бѣглый Донской казакъ, и не знаю, куда дѣться. На то Коровкинъ отвѣчалъ: «Пойди, де, въ Польшу, а пройди, де, можно между форпостовъ, и проживши тамъ нѣсколько времени, выйди въ Россію, и скажи на форпостъ, что Польской выходецъ; а какъ, де, есть Указы, что Польскаихъ выходцевъ селить велѣно по желанію, то и выберешь для житья любое мѣсто, а я, де, тебѣ дамъ сына своего для провожденія и освѣдомленія въ Польшу о житьѣ раскольниковъ;» ибо и онъ, Коровкинъ, раскольникъ. А какъ я хотя и не раскольникъ, да вижу, по сказкѣ Коровкина, что способъ для свободнаго прожитія цѣлый вѣкъ хорошъ, то живу я у него три дня, съ сыномъ его пріѣхалъ въ Стародубской монастырь, гдѣ живутъ всѣ раскольники и бѣглыхъ великій притонъ. Тутъ сказалъ я о себѣ, что я бѣглый Донской казакъ и жилъ у раскольническаго старца, Вавилы, 15 недѣль, и выспрашивалъ, гдѣ бы лучше прожить. На то старецъ отвѣчалъ: «Лучше, де, не можно, какъ итти въ Польшу, и оттуда выйти на форпосты, объявиться выходцемъ, взять Указы, гдѣ хочешь поселиться, и туда пріѣхать. А со временемъ можешь и жену свою, хоти Коровкинъ, къ себѣ достать и жить цѣлый вѣкъ спокойно»; по чему я съ тѣмъ сыномъ Коровкина между форпостовъ въ Польшу пробѣжалъ, и по сказкѣ жъ объявленнаго старца въ слободу Вету пріѣхалъ. Въ оной слободѣ живутъ все раскольники, всякаго сорта люди.

Побывъ въ той слободѣ три дня, и остави товарища своего, Коровкина, въ покоѣ, самъ пошелъ пѣшкомъ въ Россію, съ тѣмъ, чтобъ сказаться такъ, какъ названъ, и пришелъ на форпостъ Добрянской, явился, и по спросѣ,

объявилъ себя выходцемъ , гдѣ жилъ въ карантинѣ 6 недѣль, и объявилъ свое желаніе поселиться въ Казанской губерніи, на рѣкѣ Ирғизѣ. Около мѣста хотя я еще и не зналъ, однако жъ вездѣ сказывали, что сіе мѣсто къ поселенію для такого сорта людей, какого я, способно; и съ даннымъ мнѣ съ того форпоста пашпортомъ, за подписаніемъ Маіора Меньшикова, отправился въ числѣ таковыхъ же выходцевъ, изъ коихъ знаю только одного бѣлаго солдата, Алексѣя, а прозванія не знаю, а сей также сказанъ, что изъ Польши выходець, съ которымъ и ѣхалъ до Малыковки, гдѣ явились у управителя, но кто онъ таковъ, не упомяну. Управитель приказалъ намъ нѣскольکو дней пообождать, а между тѣмъ намѣренъ былъ отправить въ Симбирскую Правительственную Канцелярію, для записки въ назначенное мѣсто. Сіе происходило прошлаго 1772 года, а какъ въ то время былъ рекрутскій наборъ, то объявленный товарищъ мой нанялся за Малыковского крестьянина въ рекруты, который былъ, какъ слышалъ, и принятъ, и послѣ его не видалъ. А я, съ позволенія Малыковского управителя, не бывъ въ Симбирскѣ, поѣхалъ на Ирғизъ, въ Филаретовскій монастырь, къ настоятелю Филарету, у котораго, яко выходець, жилъ три дня, и вмѣстѣ съ онымъ поѣхалъ въ Малыковку попросить, чтобъ позволилъ не быть въ Симбирскѣ, прожить недѣли три, ибо лошадь у меня худа, такъ что не на чемъ скоро отправиться. Управитель хотя и поуждалъ, чтобъ поскорѣй явиться, но, наконецъ, позволилъ безъ объявленія прожить недѣли три, почему я обратно съ тѣмъ Филаретомъ къ нему въ монастырь прѣѣхалъ, а на другой день поѣхалъ я въ Мечетную слободу для житья, ибо въ монастырь, хотя я и раскольникъ уже назывался, жить было неблагопрістойно. Въ Мечетной слободѣ жилъ я у крестьянина раскольника Степана Косова съ недѣлю. Сіе происходило 1772 года, въ Ноябрь, въ первыхъ числахъ, а 15 того мѣсяца, той же Мечетной слободы, съ крестьяниномъ Семеномъ Филиповымъ, выпросивъ у Филарета лошадь и денегъ, поѣхалъ въ Янцкой городъ, для покупки для себя и Филарета рыбы. А прѣѣхавъ туда, пристали къ казаку Янцкому, Денису Пьяпову, и жили у него недѣлю. А какъ въ ту бытность съ казакомъ Пьяповымъ и ѣдали за однимъ столомъ, то въ одно время не стало за ѣдомъ хлѣба, и хозяинъ, Денисъ Пьяновъ, сожалѣя о семъ, говорилъ: «Вотъ, де, до чего мы дошли, что уже и хлѣба на ѣздѣ не достало.» А какъ я спросилъ сему причину, то Пьяновъ говорилъ: «У насъ, де, было въ Янцкомъ городѣ убійство войсковой руки; казаки, въ томъ числѣ и я, хотя не дрался, однако жъ при той свалкѣ былъ, убили генерала фонъ-Траубенберга и многихъ его команды, также и Старшинской, казаковъ и чиновныхъ людей не мало. А какъ дошло сіе убійство до Ея Величества, то присланъ, де, былъ для усмиренія Генералъ Фрейманъ; а какъ онъ шелъ, то войсковые казаки выѣхали было противъ его на сраженіе, и не хотѣли впускать въ Янцкой городокъ; однако жъ Фрейманъ осилилъ, и войско, кое противъ его выѣзжало, возвратясь въ городокъ, увидя свою бѣду пемипу-

чую, согласилось все бѣжать за море въ Золотую Мечеть, а многіе, де, разбѣжались, въ томъ числѣ и я шатался по степи и на узеньяхъ былъ въ укрывательствѣ». Напротивъ чего я говорилъ: «Такъ вы, де, хотѣли, видно, тоже самое сдѣлать, какъ нашъ Некрасовъ сдѣлалъ измѣну: подговорилъ многихъ, и бѣжалъ за Кубань, на рѣку Лобу. А передъ выходомъ, де, обѣщала каждому казаку по 12 рублей на человѣка; а какъ вывелъ въ поле, то ни полушки и не далъ.» И такъ на то Денисъ Пьяновъ говорилъ: «Да какъ, де, быть то, великое гоненіе; вотъ, де, я и теперь въ бѣгахъ, того и смотри, какъ придутъ и возмутъ подъ караулъ.» А я отвѣчалъ: «Да какъ же быть? Хотя по поимкѣ тебѣ и покололятъ, да можетъ и простить; а когда пойдете за границу, такъ почтутъ васъ измѣнниками, получите величайшій отъ Государыни гнѣвъ.» Больше сихъ разговоровъ я съ казакомъ Пьяновымъ ни какихъ не имѣлъ, и, купя въ Яицкомъ городкѣ рыбы, съ тѣмъ же Мечетной слободы мужикомъ, съ конемъ прѣехали, Семеновъ Филиповымъ, возвратились въ домъ, въ Мечетную слободу. Потомъ я, согласясь съ хозяиномъ своимъ, съ Косовымъ, купили еще въ Мечетной слободѣ у прѣзжихъ мужиковъ въ домъ 4 воза рыбы, и поѣхали для продажи оной рыбы въ Малыковку. Бывшій же со мною въ Яицкомъ городкѣ крестьянинъ, Семень Филиповъ, по уѣздѣ моемъ въ Малыковку, рассказалъ въ Мечетной слободѣ жителемъ, что по бытности на Яикъ подговорилъ я всѣхъ Яицкихъ казаковъ на Лобу рѣку, и давалъ на выходъ войску, на каждую семью людей, по 12 рублей; почему тѣ жители и рапортовали о семъ Малыковскому управителю. А какъ я въ то время былъ въ Малыковкѣ для продажи рыбы, то управитель велѣлъ меня взять подъ караулъ, и потомъ распръшивалъ, по показанію Мечетныхъ жителей, яко бы я точно вызывалъ Яицкое войско на Лобу рѣку, задаться вѣчно Турецкому Султану, и на выходъ войску давалъ по 12 рублей на человѣка; а на границу, де, оставлено у меня до двухъ сотъ тысячъ рублей, да на семьдесятъ тысячъ товару, изъ которой суммы яко бы я то бѣжавшее войско и коштовать хотѣлъ. И ежели, де, понадобится войску денегъ на приходъ далѣе, то паша дастъ еще до пяти миліоновъ рублей. Въ слѣдствіе того на меня доноса, показанный управителю меня и спрашивалъ. А какъ я таковыхъ рѣчей, по бытности въ Яицкомъ городѣ у казака Пьянова не говорилъ, и сказывалъ точно тѣ, какъ выше сказано, то есть, про Некрасова, то управитель счелъ, что я учинилъ заперительство; и хотя я ему и сказанъ точнымъ своимъ названіемъ, изъ подъ побой, однако жъ онъ, считая меня подозрительнымъ человекомъ, мучилъ, подъ пристрашнымъ допросомъ, дабы признался въ томъ, въ чемъ Мечетной слободы Филиповъ доказывалъ, и выспрашивалъ, не солдатъ ли, не Барской ли я бѣглой человекъ, а между тѣмъ все таки съкутъ немилосердно батогами. Однако жъ я утвердился на прежнемъ своемъ показаніи; отъ чего не говореныя на прежнемъ мною слова, яко бы подговаривалъ казаковъ на Лобу рѣку,

давалъ деньги и прочая неправда, показаны на меня. Потомъ управитель началъ меня отправлять въ Симбирскую Капцелярію. При отправленіи онъ читалъ мнѣ допросъ, въ которомъ написано было, яко бы я во всемъ, показуемомъ на меня, признался; то я управителю говорилъ: «На что, де, то взводить на меня напрасно, чего я не говорилъ, и въ чемъ я не признаюсь? А дайте мнѣ съ показателемъ, Семеномъ, Филиповымъ, очную ставку, такъ я его изобличу въ лживомъ на меня показаніи». Однако жъ тотъ Филиповъ представлеиъ изъ слободы не былъ, а допросъ управитель не переписалъ. А кто, вмѣсто меня, по неумѣиію грамотъ, приложилъ къ допросу руку, того не просилъ, да и не звалъ. И такъ въ Симбирскъ въ путь отправленъ. Деньги жъ, кои у меня были, равнымъ образомъ и рыбу, въ Малыковкѣ растащили, но кто именно, не знаю. Въ Симбирской Капцеляріи допрашиванъ я не былъ, а послаиъ въ Казань, гдѣ и содержали, сперва въ Губернской, скованнаго въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Тотъ день спрашиванъ былъ что за человекъ? А какъ сказалъ, что Донскаго войска казакъ, то и велѣно было посадить въ Губернской же. Не помню, въ какое точно время, только, не много спустя, призвали меня къ Секретарю, какъ его зовутъ, не знаю, который велѣлъ читать Малыковскій допросъ. А какъ въ томъ допросѣ написано было то самое показаніе, въ чемъ Мечетной слободы жители на меня доносили, то я сказалъ, что сего я точно не знаю, и отнюдь въ томъ въ Малыковкѣ не признавался; а для чего на меня тотъ въ самомъ дѣлѣ неправильный допросъ управитель отважился прислать въ Казань, не знаю. И какъ я настоялъ крѣпко въ произнесенныхъ мною точныхъ въ говореніи словахъ, то Секретарь, не дѣлая мнѣ никакого письменнаго допроса, только плюнулъ и приказалъ съ рукъ сбить желѣза. А потомъ тотъ же Секретарь, призвавъ къ себѣ лѣваря, велѣлъ осмотрѣть, не былъ ли чѣмъ прежде наказанъ. Когда жъ лѣварь раздѣлъ до нага и увидѣлъ, что былъ съченъ, а не зналъ чѣмъ, спрашивалъ: «Конечно, де, ты, Пугачевъ, кнутомъ былъ наказанъ, что спина въ знакахъ?» на что я говорилъ: «Нѣтъ, де, а съченъ только во время Прусскаго похода, по приказу Полковника Денисова, въжалой плетью, а потомъ чрезъ Малыковскаго управителя терпѣлъ пристрастный распросъ подъ батогами». И такъ послали меня опять въ свое мѣсто, гдѣ содержался. Какъ уже сказано, что допроса мнѣ тутъ письменнаго сдѣлано не было, то я никакой нужды и не имѣлъ, кого просить, кто бъ, вмѣсто меня, руку къ допросу прикладывалъ.

Просидя въ Губернской, переведенъ потомъ былъ въ острогъ, скованный же въ ножныхъ кандалахъ, и меня употребляли, съ прочими колодниками, во всякія казенныя работы, а большею частию на Арескомъ полгъ, около Дворца. Во время жъ того содержанія подъ карауломъ, короткую пріязнь я имѣлъ съ однимъ колодникомъ, Парфеномъ Дружининымъ, который содержался за прочетъ *... мой свѣчену кнутомъ, отъ чего и бѣжалъ бы, де, куда

* Въ спискѣ, служившемъ мнѣ подлинникомъ, здѣсь вѣрно пропущена строка.

ни есть, только не знаю, гдѣ скрыться будетъ.» На что я говорилъ: «Если бы, де, можно было отсель уйти, такъ бы я тебя вывелъ на Донъ, и тамъ бы вѣрно нашли мѣсто, гдѣ прожить.» И такъ оный разговоръ, согласный къ побѣгу, окончили. А какъ въ острогъ изъ караульныхъ примѣтили мы въ одномъ солдатѣ Малороссійскую наклонность къ неудовольствію въ его жизни, а мы при случаѣ сказали о нашемъ намѣреніи, то солдатъ согласился, и всѣ трое начали отыскивать удобный случай, дабы изъ острога бѣжать. Между тѣмъ пропало у меня, не помню сколько, денегъ; а какъ многіе о семъ узнали и хотѣли отыскивать, однако жъ я объ нихъ не тужилъ: «Я, де, считаю сіе за милостыню. Кто взялъ, Богъ съ нимъ!» Вина же тогда я не пилъ и временемъ молился Богу, почему прочіе колодники, также и солдаты, почитали меня добрымъ человекомъ. Однако жъ въ то время отнюдь еще не помышлялъ, чтобы назваться Государемъ. И сія жизнь не была тому причиною, чтобы вкрасться людямъ въ любовь, и послѣ какъ назовусь Государемъ, чтобы можно было на сію благочестную жизнь ссылаться. Въ оное жъ содержаніе подъ карауломъ, по порядочной моей жизни, отъ поданія собралъ, сверхъ пропавшихъ у меня денегъ, около, или и больше, тридцати рублей. Что много у меня сихъ денегъ было, то не отъ чего другаго, какъ по хорошей моей жизни, многіе на меня подавали. Нѣкоторые вдругъ по рублю и больше, спрашивали при подачѣ именно: «Кто, де, здѣсь Емельяны Пугачевъ? Вотъ, де, ему рубль!» Въ одно время купецъ Дружининъ говорилъ мнѣ: «Что жъ, Емельяны, мы можемъ бѣжать?» А какъ я сказала: «Хорошо,» что одобрилъ и солдатъ, то Дружининъ далъ своему сыну денегъ, коему, по видимому, было лѣтъ пятнадцать, какъ зовутъ, не знаю, велѣлъ купить лошадь и телѣгу. А какъ она была готова, и слышъ его, Дружинина, объявилъ, которому онъ говорилъ: «Когда, де, мы отпросимся у караульныхъ къ попу (какъ его зовутъ, я не знаю, вбо онъ знакомъ Дружинину), и ты, де, тутъ съ кибиткою по близку подвѣзжай, но съ тѣмъ, чтобы никто тебя не видалъ, гдѣ мы будемъ.» Сіе происходило прошлаго 773 года, въ маѣ мѣсяцѣ, и въ послѣднихъ числахъ. Согласясь съ тѣмъ Дружининымъ и съ показаннымъ Малороссійской націи солдатомъ, умыслия по утру, стали проситься у караульнаго офицера съ тѣмъ, чтобы отпустилъ для испрошенія милостыни къ попу, который насъ и отпустилъ. А солдатъ, согласный къ побѣгу, и другой, который того заговора не зналъ, къ попу конвойными за нами пошли. Пришедъ къ попу, не застали его дома; и Дружининъ говорилъ, что падобно, де, возвратиться назадъ въ острогъ; ибо, де, по небытности попа дома не съ кѣмъ напиться и напоить до пьяна другаго солдата, который не былъ къ побѣгу согласенъ. А съ повадьюю, де, пить не хорошо, да она же и пить не согласится; а безъ хозяина чинить сіе дурно. И такъ въ острогъ возвратились. А того жъ дня, чрезъ два часа, сіе было въ обѣдъ, со спросу же караульнаго офицера, съ тѣми же солдатами къ тому попу

пошли. А между тѣмъ тельга отъ сына Дружинина готова. Пришедъ къ попу, Дружининъ договорился съ попомъ, чтобы сходилъ тотъ попъ въ питейный домъ и на данныя Дружининымъ деньги купилъ вина и меду. Попъ на то согласился, вина и меду купилъ. А какъ сіе, окромя его, Пугачева, выпили и показалось мало, то Дружининъ послалъ попа еще за виномъ, давъ также изъ своего кошелька деньги. А попъ и еще хмѣльнаго принесъ. И тѣмъ папились до пьяна, а болѣе старались подпоить несогласнаго къ побѣгу другаго солдата. Попъ же совсѣмъ своимъ домомъ о умыслѣ нашемъ къ побѣгу отнюдь не зналъ. И такъ простаясь съ нимъ, и сказавъ, что идти въ острогъ, изъ дому попа вышли. А попъ, провоя на дворъ свой, возвратился назадъ и хлопнулъ калиткой. Какъ же скоро вышли, то сынъ Дружинина на одной лошади, запряженной въ кибитку, ѣдетъ на встрѣчу, къ которому Дружининъ, хотя и зналъ, что сынъ его ѣдетъ, но чтобъ отвести въ зрителяхъ подозрѣніе, закричалъ: «Личикъ, что возмешь довести до острогу?» А сынъ сказалъ: «Много ли васъ?» А какъ ему сказано, что четверо, то запросилъ 5-ть копѣекъ, за которую плату всѣ четверо, а сынъ Дружинина плетъ, и сѣли, и накрылъ тотъ мнимый для другихъ извошникъ привязанною на кибиткѣ рогожкой, и такъ побѣжали, говоря несогласному солдату къ побѣгу, что ѣдутъ въ острогъ. А какъ закрытые всѣ рогожкой ѣдутъ долго, то солдатъ спрашивалъ: «Что, де, такъ долго ѣдемъ?» На то ему опъ, Пугачевъ, отвѣчалъ: «Видно, де, не въ ту дорожку побѣжали.» Когда жъ выехали на Арское поле, то рогожку открыли и солдатъ удивился, что за чудо, и спрашивалъ, зачѣмъ выехали изъ Казани. «Оставайся, де, съ благополучіемъ!» а сами въ путь побѣжали. Оваго солдата отнюдь они не били, а если опъ прежде такъ показывалъ, то солгалъ.

Скакали мы мимо Царпыцкаго села и далѣе, не кормя лошадь, цѣлыя сутки, и прѣехали въ одну деревню, гдѣ живутъ Татары; какъ называется та деревня, не знаю. Тутъ Дружининъ взялъ свою жену, которая жила въ укрывательствѣ отъ поисковъ Губернской Канцелярїи, и у того жъ Татарина, у коего жила жена Дружинина, купилъ опъ, Дружининъ, лошадь, за 4 рубля, и подпрягши къ первой, сѣли всѣ въ тельгу и побѣжали въ тотъ городокъ, гдѣ Дружинина жительство. А прѣбавъ, не приставалъ въ ономъ, съ версту, остановились, и послали Дружининъ сына своего за другими дѣтьми его. Сынъ Дружинина пошелъ было по приказанію отца своего, но призналъ былъ тѣми жителями, или посланными отъ Губернскаго для повска ихъ, кои хотѣли было связать; однако жъ опъ ушелъ, и прибѣжавъ, о семъ сказалъ. И такъ мы въ путь далѣе побѣжали. А на другой день прѣехали на рѣку Вятку, на перевозъ, гдѣ спросили насъ, куда мы ѣдемъ, а какъ имъ отвѣтствовано было, что ѣдемъ на Кураковской заводъ, и такъ насъ перевезли. А какъ порядочно дороги не знали, какимъ образомъ чрезъ Яикъ на Ирғизъ для жительства побѣжать, когда жъ на Ирғизъ

не покажется, пробраться на Дониъ, то на дорогѣ, по нѣскольکو въ пути дней, попался намъ на встрѣчу человѣкъ, и спросили его, какъ перѣзхать Каму и гдѣ? На то тотъ неизвѣстный человѣкъ отвѣчалъ, что можно, де, перѣзхать повыше Котловъ; тутъ, де, есть перевозъ, гдѣ мы и перѣехали. А перѣзхавъ, спросили, гдѣ на Яикъ дорога? На то отвѣтствовано было: «Повѣжай, де, на село Сарсасы» куда мы и прѣехали. Въ ономъ селѣ былъ знакомый мужикъ, Алексѣй Кандалицовъ; оный знакомъ по тому, что прѣзжалъ въ Казань отдавать въ зачетъ рекрута на поселеніе людей, и былъ въ Губернской въ то время, какъ и тамъ содержался, подавалъ мнѣ милостыню. Я же тогда изъ любопытства спрашивалъ его, такъ какъ милостиваго человѣка, что онъ за человѣкъ и откуда? а онъ мнѣ разсказалъ свое жителство. По тому-то знакомству я, прѣхавъ въ то село, и допытался, гдѣ Кандалицова домъ. Дружининъ же поѣхалъ насквозь того села и сталъ на полѣ. Я же зашелъ къ тому мужику, и не для того, чтобъ жить, а чтобъ нанять лошадей, ибо тѣ, на которыхъ мы ѣхали, прѣгустали. Нашедъ онъ, Пугачевъ, Кандалицова, и поклонись ему, тотъ спрашивалъ: «Ба! Здорово, Емельянъ Ивановичъ! Куда ты ѣдешь?» А какъ Пугачевъ отвѣчалъ, что бѣжалъ и ѣдемъ на Иргиэ, и сталъ его просить, чтобъ Бога ради нанялся нѣскольکو верстъ его съ товарищемъ отвезть, на то Кандалицевъ отвѣчалъ: «Да я, де, и самъ на Иргиэ ѣду.»—«Да какъ же быть то? Вѣдь у меня есть товарищъ, такъ не равно ты не скоро согласишься, а ему ждать не можно.» На то Кандалицевъ говорилъ: «Такъ согласишься, де, на то, чтобъ уйти отъ товарища, да вмѣстѣ и поѣдемъ. А чтобъ отвѣсть подозрѣніе, дабы не узнали, что яко бы бѣглеые у меня были, и послѣ не можно бъ было отвѣчать мнѣ, то я васъ провожу до первой деревни, а тамъ, де, ты можешь отъ товарища своего уйти, и возвратись ко мнѣ въ домъ, да поживемъ нѣскольکو времени, и такъ на Иргиэ поѣдемъ.» На что онъ, Пугачевъ, согласился, и то сдѣлали. Прѣхавъ къ первой Татарской деревнѣ, остановились для ночлегу. А въ оную ночь онъ, Пугачевъ, какъ было условлено, бѣжалъ къ Кандалицеву въ домъ, а по утру и хозяинъ прѣхалъ, сказывая, что Дружининъ его искалъ, и много сожалѣлъ объ немъ, однако жъ далѣе къ Иргизу поѣхалъ. Жилъ онъ, Пугачевъ, у Кандалицева нѣскольکو недѣль, а потомъ собрались съ Кандалицевымъ и на его лошадахъ на Иргиэ поѣхали. Кандалицевъ на Иргиэ поѣхалъ для спасенія въ Сити, и для того не сказалъ объ своемъ отъѣздѣ ни женѣ, ни дѣтямъ своимъ; ибо по раскольникову обыкноуенію видно такъ водится. Онъ же, Пугачевъ, чтобы снискать въ раскольникахъ знакомство, сказывался и самъ таковымъ же, а потому во всякомъ мѣстѣ страннопріимствомъ ихъ и пользовался; ибо у раскольниковъ принимать бѣдныхъ и давать покровительство имъ почитается за величайшую добродѣтель. А какъ при отъѣздѣ у Кандалицева объ отъѣздѣ билетъ былъ, а у него, Пугачова, не было, то по прѣздѣ къ Яцкому городку (ибо другой дорога

чтобъ не чрезъ городъ, на Ирғизъ нѣту, чего ради въ городъ вѣхаты и поопасались, чтобъ не спросили), остановились подъ городомъ, подъ Дуку Переволошную. Сіе нѣкоторое Яицкихъ казаковъ урочище, гдѣ навѣхали двухъ Яицкихъ казачьихъ женъ, какъ зовутъ, не знаю, и спросили у нихъ: «Можно ли, де, побѣхать въ городокъ и оттуда на Ирғизъ?» А какъ жепщины отвѣчали: «Если пашпортъ есть, то проедете; а когда нѣтъ, то въ воротахъ задержатъ» жепщины жъ спросили, куда намъ надобно; когда же сказано, ва Ирғизъ, то жепщины указали: «Вопъ, де, у этого Строгановскаго саду (садъ казака Строга), а тамъ чрезъ Чаганъ, побѣхали большимъ шляхомъ на Ирғизъ, и прѣвѣхали уже поздно близъ Таловскаго умету (сей уметъ содержать одинъ человекъ, называющійся Степаномъ Максимовымъ сыномъ Оболевимъ, прозывающимся Еремкиной Курицей), и тутъ Мечетной слободы съ крестьянами ночевали. Оные ѣздили въ Яицкой городокъ для продажи хлѣба. Тутъ Пугачовъ разсудилъ уже на Ирғизъ не вѣхать, для того, что тамъ его знаютъ, и прежде поймали. А какъ и тогда былъ безъ всякаго письменнаго вида, такъ для той же причипы вѣхаты поопасался. Откликъ овъ товарища своего, Кандалинцева, въ сторону, п сію, на Ирғизъ вѣхаты, невозможную причину разсказывалъ; на то Кандалинцевъ: «Я, де, туда поѣду;» а Пугачовъ сталъ просить, чтобъ овъ своихъ лошадей ему за настоящую цѣну продалъ «И я, де, куда ни есть поѣду въ другое мѣсто.» Кандалинцевъ пару лошадей съ телегою за 25-ть рублей ему уступилъ, и я заплатилъ ему деньги. Кандалинцевъ побѣхалъ на Ирғизъ, а овъ, Пугачовъ, на уметъ съ показаннымъ Еремкиной Курицей.

По прѣвѣздъ къ нему Еремкина Курица узналъ его, для того, когда съ выше сего сказаннымъ Семеновъ Филиповымъ ѣздили съ Ирғиза въ Яицкой городокъ для покушки рыбы, такъ у него, Еремкиной Курицы, прѣставали. Еремкина Курица спросилъ: «Что, Емельянъ, отпущенъ изъ подъ караула (ибо овъ зналъ, что былъ пойманъ)?» Но Пугачовъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, де, а я бѣжалъ,» и просилъ его, чтобъ позволилъ у себя до времени пожить. А уметчикъ на сіе говорилъ: «Живи, де; я много добрыхъ людей скрывалъ.» И такъ жилъ у него недѣли двѣ или больше, упражнялся въ стрѣляніи и ловли на степи звѣрей. А какъ сей уметъ на такомъ мѣстѣ, что великое число его проѣзжаетъ людей, а Яицкихъ казаковъ множество ѣздитъ туда для стрѣляніи звѣрей, то въ одно время объѣдали нѣсколько человекъ Яицкихъ казаковъ (а однимъ съ нимъ и Еремкиной Курицей столомъ, и разговаривали тѣ Яицкіе казаки, коихъ овъ, Пугачовъ, не знаетъ, что они скрываются изъ городка для того, что, по убитіи, де, Генерала съ командою, разложена на войско сумма денегъ за пограбленное у Генерала и прочихъ имѣніе, и вѣльно собрать съ кого 40, съ кого 30, а съ нѣкоторыхъ по 50 рублей. А какъ такой суммы заплатить нечѣмъ, то войсковая команда строго взыскиваетъ, и такъ, де, многіе отъ того разбѣжа-